

18+

Мохаммед Джамаль Хаир

ГОЛОС ПРИЛИВА

Психологическая драма

Мохаммед Хаир

Голос прилива.

Психологическая драма

«Издательские решения»

Хаир М. Д.

Голос прилива. Психологическая драма / М. Д. Хаир —
«Издательские решения»,

Артур возвращается в родной город после смерти отца, чтобы разобрать архив маяка. Там он находит запертую комнату, полную чужих воспоминаний и тишины, которую город хранил десятилетиями. Чтобы исцелиться, ему придётся не просто открыть дверь, а услышать голоса прошлого. Психологическая драма о памяти, молчании и праве на боль.

Содержание

ГОЛОС ПРИЛИВА	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Голос прилива. Психологическая драма

Мохаммед Джамаль Хаир

© Мохаммед Джамаль Хаир, 2026

ISBN 978-5-0070-2446-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛОС ПРИЛИВА

Психологическая драма

Мохаммед Джамаль Хаир

ГЛАВА 1

Автобус остановился у разбитой остановки, и двери открылись с тяжёлым вздохом. Артур шагнул на мокрый асфальт, чувствуя, как холодный ветер с моря пробирается под куртку. Воздух пах солёной влагой, водорослями и чем-то старым, знакомым до боли.

Город не изменился. Те же низкие дома с облупившейся краской, те же фонари, мигающие даже днём, те же узкие улочки, ведущие к набережной. Только людей стало меньше. Или это ему казалось.

Он поправил ремень сумки и пошёл вдоль берега. Волны бились о бетонные плиты, оставляя белую пену, которая тут же исчезала. Небо было серым, тяжёлым, без единого просвета. Артур не любил это время года. Ноябрь всегда приносил с собой не только дождь, но и воспоминания, которые он предпочитал не трогать.

Дом отца стоял в конце улицы, за невысоким забором из потемневшего дерева. Калитка скрипнула, когда он толкнул её. Двор зарос сухой травой, на крыльце лежали опавшие листья, прилипшие к мокрым ступеням.

Ключ был под камнем, как и двадцать лет назад. Артур улыбнулся уголком губ. Отец никогда не менял привычек. Даже когда мир вокруг рушился, он оставлял ключ на месте, будто ждал, что кто-то обязательно вернётся.

Внутри пахло пылью, старыми книгами и остывшим чаем. Мебель стояла на своих местах, покрытая тонким слоем времени. На столе в гостиной лежала нераспечатанная почта, рядом — пепельница с недокуренной сигаретой. Отец курил редко. Только когда нервничал. Или когда писал письма.

Артур прошёл в кабинет. Полки ломились от папок, тетрадей, старых карт. Отец был историком-любителем, собирал всё, что касалось города: вырезки, фотографии, рукописи рыбаков, записи смотрителей маяка. Артур помнил, как в детстве сидел на ковре, перелистывая пожелтевшие страницы, слушая голос отца, читавшего вслух отрывки из дневников.

— Память — это не то, что осталось, — говорил он тогда. — Это то, что мы выбрали сохранить.

Артур открыл верхний ящик стола. Внутри лежал конверт. Плотный, бежевый, без марки. На лицевой стороне — его имя, написанное твёрдым почерком.

Он вскрыл его аккуратно. Внутри — один лист. Без даты. Без обращения.

«Артур, если ты это читаешь, значит, я не успел сказать главное. Не ищи виноватых. Ищи правду. Она в маяке. В нижней комнате, за железной дверью. Там нет золота. Нет секретов

города. Там только то, что я не смог рассказать тебе при жизни. Прости, что молчал. Прости, что ждал слишком долго. Прилив скоро вернёт то, что забрал. Послушай его. Он говорит тише, чем люди. Но честнее.»

Артур перечитал письмо трижды. Слова не складывались в логику. Маяк не работал уже пятнадцать лет. Нижняя комната была завалена камнями после шторма. Отец знал это. Значит, речь не о физическом пространстве.

Он сел на стул, потёр виски. В голове всплыли обрывки: смех на набережной, крик чайки, запах дыма от костра, чья-то тень у воды. Детство было размытым, как акварель под дождём. Он помнил фрагменты, но не мог соединить их в картину.

Телефон завибрировал. Сообщение от сестры: «Ты приехал? Как дом?»

Артур набрал: «Всё на месте. Пока не трогал.»

Отправил. Убрал телефон. Встал. Подошёл к окну.

Море было спокойным. Слишком спокойным для ноября. Волны едва шевелились, будто задерживали дыхание.

Он знал, что не сможет просто упрать вещи, выпить кофе и уехать завтра. Отец не писал бы так, если бы не было причины. А причина всегда была. Даже когда её прятали за молчанием.

Артур надел куртку. Вышел во двор. Запер калитку. Пошёл к набережной.

Ветер усилился. Принёс запах йода и влажного камня. Вдалеке, за поворотом бухты, виднелся силуэт маяка. Белый, облупившийся, одинокий. Он стоял так давно, что стал частью пейзажа. Туристы фотографировали его летом. Местные не замечали зимой.

Артур ускорил шаг. Ноги сами несли его к старой тропе, ведущей вверх по скале. Камни были скользкими, трава — мокрой. Дыхание сбилось, но он не остановился.

У подножия маяка дверь была приоткрыта. Ржавые петли скрипнули, когда он толкнул её. Внутри пахло сыростью, металлом и чем-то сладковатым, напоминающим гниющие водоросли.

Лестница вела вверх, но Артур спустился вниз. В темноту, где хранились старые генераторы, ящики с инструментами, ржавые бочки. В конце коридора — железная дверь. Та самая, о которой писал отец.

Он потрогал ручку. Холодная. Тяжёлая. Заперта. Но замок был новым. Не ржавым. Не старым. Свежим.

Кто-то был здесь недавно.

Артур отступил на шаг. Прислушался. Тишина. Только шум волн снаружи. И что-то ещё. Тихое. Ритмичное.

Не ветер. Не вода.

Голос.

Едва уловимый. Будто кто-то шептал из-за стены. Или из глубины.

Он прижал ладонь к металлу. Холод прошёл сквозь кожу, в кости, в кровь.

— Что ты прячешь? — прошептал он.

Ответ не пришёл словами. Пришёл ощущением.

Тяжесть. Вина. Ожидание.

Артур отдернул руку. Обернулся. Выход был тем же. Но свет за дверью казался дальше, чем раньше.

Он не побежал. Не кричал. Просто выдохнул. Медленно. Глубоко.

— Ладно, — сказал он в пустоту. — Я послушаю.

И остался стоять в темноте, пока прилив не начал подниматься.

ГЛАВА 2

Вернувшись в дом, Артур запер дверь на ключ. Щелчок замка прозвучал громко в тишине, будто выстрел. Он прислонился лбом к холодному дереву и закрыл глаза. В ушах всё ещё стоял тот шёпот из подвала маяка. Не слова. Скорее, ритм. Как стук сердца, только медленнее. Тяжелее.

«Прилив вернёт то, что забрал», — вспомнил он слова отца.

Артур прошёл в кабинет. Теперь комната казалась другой. Не архивом, а местом преступления, где улики были скрыты временем. Он снова открыл ящик стола. Пусто. Он провёл рукой по внутренней стенке, нащупывая неровности. Дерево было гладким, но в дальнем углу пальцы зацепились за что-то мягкое.

Плотная ткань.

Он потянул. Из глубины ящика, за фальш-дном, показался угол старого бархатного мешочка. Артур вытащил его. Тяжёлый. Внутри звякнул металл.

Он развязал шнурок. На ладонь упал ключ. Не такой, как для входной двери. Старинный, с длинным стержнем и сложной бородкой. И рядом — свёрнутый в трубку лист бумаги.

Артур развернул его на столе. Это была схема. Чертёж маяка. Но не тот, что висел в городском музее. Здесь были отмечены уровни, которые не существовали официально. Под линией воды, ниже фундамента, была нарисована комната. Круглая. В центре — квадрат. Подпись мелким почерком: «Эхо».

И дата. 14 ноября 1998 года.

Артур замер. Двадцать пять лет назад. В день, когда он уехал из города. В день, когда отец перестал писать письма и начал писать дневники, которые никто не читал.

«Что произошло тогда?» — подумал он.

Он подошёл к полкам, где стояли дневники отца. Толстые тетради в кожаном переплёте, выстроенные по годам. 1990, 1995... 1998.

Артур снял нужную тетрадь. Открыл на середине. Страницы были заполнены плотно, почерк менялся от ровного к нервному.

Запись от 14 ноября:

«Оно открылось. Я слышал. Я думал, это галлюцинация. Горе. Но это не горе. Это память воды. Она помнит всё, что в неё упало. Камни. Тела. Слова. Я должен закрыть это. Пока Артур не узнал. Пока он не услышал.»

Следующая запись была через месяц:

«Я запер дверь. Залил бетоном. Сказал себе, что это безопасность. Но это была трусость. Я спрятал правду, чтобы не смотреть ей в глаза. Но правда не умирает. Она ждёт отлива.»

Артур захлопнул тетрадь. Дыхание стало частым. Отец не просто сошёл с ума от одиночества. Он что-то скрывал. Что-то, что он «залил бетоном».

Ключ в руке Артура вдруг показался тяжёлым. Он посмотрел на него, потом на схему.

«Нижняя комната, за железной дверью», — процитировал он письмо.

Железная дверь в подвале маяка. Та, что была заперта новым замком.

Этот ключ подходил к ней?

Или это ключ от чего-то другого? От того, что было за дверью?

Артур сунул ключ в карман. Схему свернул и положил в сумку. Ему нужно было вернуться туда. Не завтра. Сейчас. Пока прилив не накрыл вход в подвал окончательно.

Он выбежал из дома, не застёгивая куртку. Ветер ударил в лицо, но он не чувствовал холода. Внутри горел огонь. Любопытство? Страх? Или долг?

Добежав до маяка, он увидел, что вода уже поднялась. Бетонные плиты у входа были покрыты белой пеной. Подвал был наполовину затоплен.

Артур спустился по скользким ступеням. Вода доходила до щиколоток. Холодная, ледяная. Он включил фонарик телефона. Луч выхватил из темноты ржавые бочки и железную дверь.

Замок висел на месте. Новый, блестящий.

Артур достал ключ. Рука дрожала. Не от холода. От предчувствия.

Он вставил ключ в скважину. Он вошёл легко. Слишком легко.

Артур повернул.

Щелчок был громким, как выстрел в пещере. Замок открылся.

Он потянул дверь на себя. Тяжело. С сопротивлением воды. Дверь поддалась.

Внутри была не комната. Была лестница. Узкая, винтовая, уходящая ещё глубже, под воду. Стены были мокрыми, покрытыми слизью. И оттуда, снизу, доносился звук.

Не шёпот.

Пение.

Тихое, женское, мелодичное.

Артур замер на пороге. Вода поднималась выше, касаясь колен.

— Кто здесь? — крикнул он.

Пение оборвалось.

И голос, чёткий и громкий, ответил из глубины:

«Ты опоздал, Артур. Прилив уже начался.»

ГЛАВА 3

Артур отшатнулся, ударившись спиной о косяк. Фонарик выскользнул из рук и упал в воду. Свет погас мгновенно, оставив его в крошечной темноте. Только шум волн снаружи и тяжёлое собственное дыхание.

«Голос...» — пронеслось в голове.

Он на ощупь нашёл стену. Холодный, скользкий бетон. Нужно выбираться. Вода поднималась быстро, ледяные языки лизали бёдра.

Артур начал подниматься по ступеням, ведущим к двери. Вода тянула за ноги, пытаясь утянуть обратно, в темноту, где только что звучал голос. Он споткнулся, ударился коленом, но не остановился. Выбрался наверх, в подвал, и захлопнул железную дверь. Задвинул засов.

Только тогда он осознал, что дрожит всем телом.

Он выбрался из подвала, на свежий воздух. Ночь полностью вступила в свои права. Небо было черным, без звёзд. Маяк возвышался над ним, как чёрный палец, указывающий в пустоту.

Артур побежал к городу. Не домой. В единственное место, которое ещё работало в это время — таверна «У старого краба».

Дверь в таверну была тяжёлой, дубовой. Внутри пахло жареным луком, пивом и влажной шерстью. Несколько посетителей сидели за столиками, тихо разговаривая. Музыка не играла.

Когда Артур вошёл, разговоры стихли. Несколько пар глаз повернулись к нему. Взгляды были тяжёлыми, оценивающими. Недружелюбными.

Он подошёл к бару. Бармен, старый знакомый отца, по имени Игорь, протирает стакан тряпкой. Он посмотрел на Артура, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Ты вернулся, — сказал Игорь тихо. Не вопрос. Констатация.

— Мне нужно было разобраться, — ответил Артур, опираясь локтями о стойку. — С отцом. С домом.

Игорь перестал протирать стакан. Наклонился ближе.

— Не ходи к маяку, Артур.

— Почему?

— Потому что он спит. А ты его разбудил.

— Я слышал голос, Игорь. Там, внизу. Кто-то был в подвале.

Игорь выпрямился. Его лицо стало каменным.

— Тебе показалось. Ветер. Эхо. Горе. Выбери любую причину, но не ищи там людей. Там никого нет. Уже давно.

— Отец оставил письмо. Ключ. Схему.

Упоминание ключа заставило Игоря побледнеть. Он оглянулся на зал, потом снова на Артура.

— Отдай мне ключ, — прошептал он. — Я спрячу его. Как отец прятал свои секреты. Так будет лучше для тебя. Для всех.

— Для кого «всех»? — Артур повысил голос. — Для города? Для тех, кто знает, что там внизу?

В углу таверны кто-то громко стукнул кружкой о стол.

— Парень, — раздался хриплый голос. — Садись, выпей и заткнись. Есть вещи, которые лучше не трогать.

Артур обернулся. В углу сидел старик, которого он не узнал. Лицо покрыто морщинами, глаза мутные, но взгляд острый.

— Вы знаете моего отца? — спросил Артур.

— Я знал, чем он занимался, — ответил старик. — И чем занимались твои деды. Этот город построен на молчании. А ты пришел с криком.

Артур почувствовал, как внутри закипает злость. Страх уступил место упрямству.

— Я не уеду, пока не узнаю правду.

Старик усмехнулся. Зубов у него почти не было.

— Правда... — он плюнул на пол. — Правда в том, что маяк — это не свет. Это тюрьма. И твой отец был не смотрителем. Он был надзирателем.

Артур замер.

— Надзирателем? Кого?

Старик наклонился вперед, его лицо исказила гримаса боли.

— Тех, кого море не отпустило. Тех, чьи голоса застряли между волн. Ты слышал пение, да?

Артур кивнул, не в силах вымолвить слово.

— Это не пение, — прошептал старик. — Это крик. Они кричат, чтобы их услышали. Чтобы их вернули. Но твой отец закрыл дверь. Он запер их там. Навечно.

Игорь за баром нервно зазвенел ложкой о стакан.

— Хватит, Михеич, — сказал он дрожащим голосом. — Не пугай парня.

— Я не пугаю, — отрезал старик. — Я предупреждаю. Если ты откроешь ту дверь снова, они выйдут. И они не будут рады гостю. Они захотят хозяина.

Артур отступил от бара. В голове всё смешалось. Тюрьма? Голоса в воде? Безумие старика или наследственное проклятие?

Он вспомнил ключ в кармане. Тяжёлый, холодный.

«Они захотят хозяина».

Артур попятился к выходу.

— Я вернусь, — сказал он тихо. — Завтра. Когда будет отлив.

— Не надо! — крикнул Игорь.

Но Артур уже вытолкнул дверь и шагнул в ночь.

Ветер выл теперь по-другому. Не просто шум. В нём слышались интонации. Шёпот. Смех. Плач.

Город просыпался. Но не люди. Что-то другое. Что-то, что ждало двадцать пять лет.

И Артур знал, что завтра он откроет дверь. Не ради отца. Не ради тайны.

Ради тех, кто плачет в темноте.

Глава 4

Утро не принесло облегчения. Оно принесло ясность. Артур проснулся на диване в гостиной, не раздеваясь, с ключом в руке, сжатой в кулак даже во сне. За окном небо было бледным, промытым ночным дождём. Ветер стих. Море лежало тяжёлым, тёмным полотном, будто затаив дыхание.

Он встал, чувствуя тяжесть в костях. Не от усталости. От решения, которое уже созрело внутри, ещё до пробуждения. Бежать было поздно. Прятаться — бессмысленно. Отец оставил не загадку. Он оставил завещание. И Артур обязан был его исполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.